

Север Старков

РАСПИСКИ ДЛЯ
ВЕЧНОСТИ

Север Старков

**Расписки для вечности.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Старков С.

Расписки для вечности. Сборник рассказов / С. Старков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509062-1

Почему Казанец всю жизнь собирал медяки и ни одного не истратил, куда делся непутёвый послушник Ёхин и зачем бомжик Витя выбросил сумку с деньгами? Я так верю, что каждый для себя найдёт что-то в этой книге, ведь почти все истории в ней реальны. Книга состоит из двух частей. В одной Ангелы косвенно участвуют в наших жизнях, в другой — странные судьбы людей, соприкасающихся со смертью.

ISBN 978-5-00-509062-1

© Старков С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 Глазами Ангелов	6
Меня зовут Север	6
Маленькая Большая Вера, или когда Небеса отвечают взаимностью	9
Звук умозрения	13
Малюха	15
«49»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Расписки для вечности

Сборник рассказов

Север Старков

Дизайнер обложки Денис Алелеков

Иллюстратор Горенкова Анна @kot_te

Редактор Светлана Хурсан

Дизайнер обложки Дарья Попченко

© Север Старков, 2019

© Денис Алелеков, дизайн обложки, 2019

© Горенкова Анна @kot_te, иллюстрации, 2019

© Дарья Попченко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-9062-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо девочке Ане (@kot_te) за рисунок для Маленькой Большой Веры, Светлане Хурсан за помощь в создании некоторых рассказов, Большому «Шефу» Дэну за обложку, Дашке за веру в меня, критику и радость. И моей маме, она всегда хотела, чтобы я писал.

Авторский паблик в вк «Пиши до хрипоты», и творческая студия «Ловцы слов» приглашают вас посетить удивительный мир живых текстов.

Часть 1 Глазами Ангелов

Меня зовут Север

Р-410 была мобильной передвижной радиостанцией, стояла на площадке радиусом сто метров. Представляла собой несколько вагончиков, дизельную, и четыре мачты с тарелками – высотой метров двадцать. Две тарелки смотрели на юг, и в их векторе располагалась 177-я мехколонна. По поверью, все жители колонны думали, что тарелки излучают опасную для здоровья радиацию. И доказывать им безопасность радиоволн – было занятием бесполезным.

Негласная война между радистами, которых на точке проживало четверо, и мехколонной, коих было человек двести, – продолжалась всю дорогу. И заключалась в подлянках со стороны колонистов в основном. То собаку нашу застрелят на шапку, то еще что-нибудь нехорошее сделают.

У матери была лайка, с роскошной шерстью цвета бурого медведя. И многие охотники очень хотели бы занять такую шкуру, поэтому мама Мотьке выстригала на спине полосы, под ездовую, и приговаривала – «хрена им, а не шапку».

В школе, когда все узнали, что новенький – радист, началась травля. Меня каждый день поджидали после уроков, и так как до автобуса было еще целых сорок минут – то времени у них поглумиться было предостаточно. Учителя все это видели – изодранная одежда, синяки и кровь объяснялись просто – он у вас хулиган! Сами же учителя были из мехколонны, и шанс отомстить радистам за облучение был заманчивым. Мне кажется, они и сами были не прочь меня попинать после школы, но в силу возраста это было как минимум не солидно. «Прописка» подзатянулась – обычно новенького в класс прописывали за день-два, давали после уроков люлей, и отставали. В моем же случае интерес одноклассников подогревался негласным одобрением родителей и полной безнаказанностью, прописка затянулась надолго.

Каждый день, после школы, я выходил один против толпы, меня валили с ног и били, пока не выдохались. Били жестоко, долго и до крови.

В этот день был сильный мороз, – меня свалили и ударили ногой по голове – я потерял сознание. Очнувшись, увидел, как мои враги играют в футбол ботинком – это был мой ботинок. Ногу нестерпимо жгло от колючего и жесткого холода. Я пытался отобрать у них этот мяч, но они его перекидывали друг другу. От чего игра становилась еще интереснее – отстали только когда посигналил автобус.

Даже в безнадежности есть надежда. Его звали Виктор Эйсфильд. Появился в моей жизни ниоткуда, и так же внезапно исчез. До сих пор кажется, что его никто кроме меня не видел. Пацаны побежали занимать места, а я сидел в снегу и ревел от бессильной злобы. Слезы, смешанные с кровью и соплями падали в снег. Я ненавидел этот снег, я выплевывал этот север с привкусом соли.

Все, чему я научился на улицах Москвы – здесь было шалостью. Надо было начинать все с нуля и больше. Витя Эйсфильд, это он принес мне ботинок. Этого паренька почему-то боялись все, и уважали.

– Знаешь почему они это делают? – он склонился надо мной, плачущим и жалким.

Я крикнул что-то вроде – «отстаньте от меня все!» Он молча пнул меня по голой ноге и тихо сказал, – успокойся.

Ногу я не почувствовал, это был признак обморожения. Он натер ее снегом, надел ботинок, помог дойти до автобуса и сел рядом со мной. Одноклассники кидали в нашу сторону удивленные взгляды, но говорить что-то в мой адрес не решались – авторитет Эйсфильда был абсолютным.

Он мне сказал, – «ты из Москвы, москвичей здесь не любят. Это первое, но не самое важное. Важное то, что ты на точке живешь, а это значит, что вы нас облучаете. Лично я в эту чушь не верю, но им это не докажешь. Впрягаться за тебя я не буду, здесь другие законы, – ты должен сам им доказать. Как только они почувствуют твою силу и злость – отстанут».

– Тебе-то что до этого, зачем мне помогаешь?

– У меня свой интерес, это давние счеты с Лосевым. Ты должен его свалить, первым, желательно с увечьем. Они навалятся на тебя, но ты должен видеть перед глазами только его. Не обращай ни на кого внимание, с ними ты потом рассчитаешься, твоя цель – это Лось. Если все сделаешь как я скажу, – освободишься, и они отстанут...

Так Витя вывел меня на арену против здорового детины, по кличке Лось. Он давно его победил, но с тех пор не упускал случая, чтобы как-то зацепить Лосева. Несколько дней я с обморожением провел дома, обдумывая дерзкий план своего спасения. Впервые за долгое время я хотел скорее в школу. Впервые у меня не было тяжести в душе, когда я просыпался. Мысли были ясные, настроение появилось – меня гнал вперед азарт.

На кураже и адреналине я кое-как досидел до последнего урока. Раздался звонок – Лось привычно повернулся в мою сторону, чтобы видели друзья, – и недвусмысленным жестом постучал себе кулаком по челюсти. Я впервые не отвел взгляд, а наоборот – подмигнул ему. Сконфузился. Из школы специально вышел последним, и направился в сторону ожидающих меня.

– Смотрите, Москва несет домой оценки! Давайте спросим...

Слова его растворились, как рафинад в чае, и эта застывшая, удивленная улыбка – всё, что я сейчас видел.

Слова Эйсфильда звучат в моих ушах, и я ускоряя шаг направился в толпу. Сбросил с себя портфель и уже почти на бегу врезался в растерявшихся пацанов. Лось от неожиданности не смог меня правильно принять и упал.

Я оказался сверху и со всей силы ударил его головой по лицу, что-то подо мной хрустнуло, и я резко поднял голову и повторил удар. В лицо мне брызнули горячие капли. Сверху меня уже всю пинали и пытались оттащить, но я вцепился в жертву как обезумевшая от крови бойцовская собака.

В какой-то момент давление надо мной ослабло, все исчезали один за одним, а я продолжал бить не оборачиваясь, Витя за шарф меня тащил по снегу – а я все никак не мог понять, что происходит. Оказывается, он вмещался в тот момент, когда Лось потерял сознание. Я лбом сломал ему нос и лицевую кость, а Витя Эйсфильд взял на себя еще пару человек – остальные просто сбежали.

– А у тебя крепкий лоб, – улыбнулся он.

Я был весь в крови, в крови того, кого ненавидел каждой клеточкой своего сознания. Сказать я ничего не мог, – лишь тяжело дышал и улыбался, вернее это была не улыбка, это был оскал того, кто во мне проснулся.

Больше я Витю Эйсфильда никогда не видел, и ничего о нём не знал...

Маленькая Большая Вера, или когда Небеса отвечают взаимностью

*«Били вас по задку сапогом? А кирпичом по рёбрам получали? Все тело моё изломано, избито... надругались над ним люди... Шарик... назвала она меня... Какой я к черту Шарик?! Шарик это значит упитанный, круглый, овсянку жрёт, сын знатных родителей, а я...?»
М.А.Булгаков «Собачье сердце».*

1. Она осталась одна, когда мамы не стало.

Центр мироздания малышки исчез, и мир рухнул, рассыпался на осколки. Вера провалилась в объятия пустоты, и только эхо отвечало на зов девочки. Детдом. Страшное непонятное слово нависло над ней грозовой тучей. Она не боялась, ведь разве может быть что-то страшнее ЭТОЙ пустоты?

И тут появился он. Он назвался родственником и забрал её к себе. Вечно пьяный дворник, который и жил в дворницкой, захлавленной, пропитанной перегаром, куревом, и очень давно не выдавшей уборки. Они ехали в ритуальном автобусе в Митинский крематорий. Маленькая Вера водила пальцем по стеклу, губы ее шевелились, но слов было не разобрать. Рядом сидел сизый дворник, непонятно кем приходившийся девочке. В проходе стоял недорогой закрытый гроб.

– Дядя, моя мама там? – дворник сглотнул.

Больше в автобусе никого не было. И на поминках тоже, так иногда случается.

Пустота кутала малышку в липкую паутину. Бесцветным голосом хрипела что-то неразборчивое. Никто не пришел попрощаться с ее ушедшей мамой, она и сама не попрощалась. Ушла тихо и внезапно.

Автобус. Капли дождя на мутном стекле, что-то щипало глаза и ничего не разглядеть. Незнакомый родственник сжимал ее руку в своей, горячей и мозолистой, она боялась его. И боялась остаться совсем одна.

2.

Он провёл ее пустынной подворотней к невзрачной двери своего жилища. Отпер дверь дворницкой. Подтолкнул девочку внутрь. Она растерянно огляделась. Душная тесная каморка. Маленькое грязное окошко под самым потолком. Посреди комнаты стол, его кровать вдоль стены, маленький диванчик, кривоногий шкаф, со скрипучей, приоткрытой дверкой.

– Твое новое жилище, – буркнул дворник. – Устраивайся.

Двумя шагами мужчина пересек комнату. Рукавом пальто смахнул со стола мусор, поставил нехитрую снедь, бутылку водки.

– Помянуть надо, – буркнул он, не глядя на девочку. – Есть будешь?

Вера молчала. Она силилась понять, – что случилось, где мама. Почему она здесь? Почему щиплет глаза и трудно дышать? Кто ей поможет собрать привычный мир из груды осколков? Дворник налил себе полный стакан, выпил, поморщился, закусил коркой хлеба и налил снова. Вера во все глаза смотрела на мужчину. Она ждала. Слова, взгляда, улыбки, хоть чего-то, что дало бы ей надежду, хоть какого-то объяснения. Где то вдалеке она понимала, что больше не увидит маму, но этого было недостаточно.

Через час он уже крепко спал. Маленькая Вера свернулась калачиком на отведенном ей диванчике, так и не сняв пальто. Она вспомнила улыбку мамы. Мама говорила, все проходит, нужно немножко потерпеть. Содранные коленки заживают, после горького лекарства проходит боль, солнышко согревает землю после холодной зимы, после ночи приходит новый день. И она будет ждать. Эта пустота пройдет. Она откроет глаза и будет утро, солнце, теплые ласковые руки, улыбки. Все непременно будет хорошо...

Детский мир на Дмитровке. Они с мамой выбрались в ее редкий выходной, они шли покупать ей куклу! Ту самую, которую она однажды увидела в каком-то французском фильме. Совсем непохожая на других, совсем необычная кукла, в вязаном белом платишке, и с настоящим лицом! Кукла действительно была потрясающая. Ее делали на заказ лучшие мастера дома Коко, специально для известного телеканала. Во всем мире больше нигде, нигде не встретить такую куклу.

– Мама! Она настоящая, живая! Смотри, смотри, что она умеет!!!

Жаль, только и сны заканчиваются. Даже такие чудесные сны, в которых у мамы выходной, и они вместе идут в Детский мир на Дмитровке. Идут покупать куклу.

3.

Из этого маленького счастья Веру вырвал звон упавшей бутылки, – дворник что-то колдовал над столом... Она не хотела просыпаться. Цеплялась за остатки неумолимо уходящего сна, жмурила глаза, пыталась снова провалиться туда, где ей было так хорошо с мамой. Вера накрылась с головой и лежала под одеялом. Дворник разговаривал сам с собой, спотыкаясь о мебель. Звуки доносились сквозь ветхое одеяло, тормозили, возвращая в унылую пыльную дворничью. Она стала напевать мамину колыбельную, чтобы заглушить их.

«...где баобабы, вышли на склоон... Получалось не очень хорошо, голосок дрожал, на глаза навернулись слезы, воздуха не хватало, – жил был на светеее, розовый слоон... Она сделала „окошечко“, как когда то ее научила мама, и выглянула, в нос ударил спертый воздух, она снова тихонько запела – Много веселых было в нем сил, скучную обувь, он не носил... львы, да и тигры, глупый шакал... двигались... тише, если он спал...» Чутьочку теплее становилось внутри от этой песни. Слезы катились по щекам, носу, губам. Вера облизнула губы. Соленые. «Как море», – подумала она.

Маленькая Вера снова была с мамой. Снова бежала по горячему песку. Плескалась в ласковых волнах. Собирала разноцветные камушки. Слышала шепот огромного моря в маленькой ракушке, крепко прижимая ее к уху. Она влюбилась в море с первого взгляда. Навсегда. И теперь снова видела его, слышала и чувствовала его запах. Слезы катились по ее щекам, и как только дворник ушёл за очередной бутылкой – уже не сдерживаясь, разрыдалась во весь голос, совсем по-взрослому. Потом рыдание понемногу утихло, стало как-то легче, и она снова заснула.

Время исчезло.

Потонуло и растаяло вместе с грязной комнатухой. Девочка путешествовала в мире снов и воспоминаний. День прошел так, неделя, месяц или сотня лет она не знала.

Дворник сдернул одеяло и посмотрел в зареванные глаза девочки.

– Тебе надо поесть, – сказал он.

«Нет. Нет! Нееееет! Не хочу, я не хочу, не хочу!!! Я не хочу быть здесь. Здесь холодно и пусто. Грязно и плохо пахнет. Нет. Я не хочу!» – мысленно кричала Вера, но в реальности не смогла разжать губ. Словно она сама стала куклой, забытой кем-то в парке и попавшей по глупой случайности в эту каморку. Кукольными блестящими глазами она смотрела на мужчину и не видела его. Слышала его слова и не понимала смысла. Поесть? Кукла не хочет есть. Не хочет вставать, разговаривать. Дворник не отставал, и она механически выполняла его команды. Кукла не может сопротивляться.

Только ночью Вера забиралась повыше к окну, подолгу смотрела в темноту, на черное небо, луну, звезды...

Она шептала в небо свою детскую молитву, она просила у неба одного, чтобы это скорее все закончилось. Она твёрдо верила, что все снова оживет, разрозненные пазлы соберутся в яркую картинку, где она, девочка, не кукла, ей весело, легко и беззаботно и ее рука в сильной теплой ладони кого-то очень доброго и надежного. Навсегда. От молитвы становилось теплее в груди, и Вера с нетерпением ждала ночь. Ночь была ее другом, это было ее время, ночью ей было хорошо, и каждый раз она с ужасом замечала едва проблескивающий рассвет, как вампир, со страхом шурилась на огромное светило, медленно встающее из-за крыш. Она знала, что скоро проснётся дворник, шла на импровизированную кухню, вставала на табуретку и делала ему нехитрый завтрак. Потом залезала на свой диванчик и пряталась под одеяло. Так тянулись дни, месяцы, может годы. Она смастерила плотный кокон из фантазий и мечты, скрепила верой и закрылась там, в надежде однажды утром обрести крылья...

4.

Но утром не было крыльев...

5.

Что ждало ее впереди, каким бы стало ее маленькое большое сердце, израненное, выщербленное от каждого плохого слова, от каждого переживания. Она видела разномастные попойки, видела, как дерутся пьяные мужики, переворачивая все вокруг, видела кровь, и женщин, делящих тряпки и выбирающих себе любовь на вечер, видела то, что не должна была видеть. Кем она станет? По какому пути пойдет в поисках тепла и счастья? Может Вера научится пить, врать, красть, продавать, продавать единственное, что у нее есть, свое тело, как и те, что окружают ее сейчас?

Пока она еще видит небо. Грязное, пожелтевшее от времени мутное стекло не скрывает от ее взгляда прозрачности и чистоты небосклона. Небо так похоже на море, ласковое и безграничное. Вера говорит с ним, и надеется, что оно ее слышит.

6.

Как-то ей вспомнились слова молитвы «Отче наш». Сначала она бездумно повторяла эти слова, как когда-то давно считалочки. Катала звуки молитвы шариком на языке. Ей приходили на ум вопросы и ответы. Отец. Небесный отец. Ее мама ведь тоже там? Так, незаметно для себя девочка стала разговаривать с Тем, Кто на небе. Вера говорила с Ним, как со своим отцом, спрашивала про маму, рассказывала, как прошёл ее день, что было в нем хорошего.

Да, она научилась видеть хорошее, хотя его было так мало в ее жизни. Солнечный зайчик на стене. Сияющая снежинка на ладони. Мурлыканье уличной кошки. Кудлатый дворový пес, дружелюбно виляющий хвостом, когда она кормила его косточками и хлебом.

Она говорила в тишину ночного неба. Каждый раз, заканчивая просьбой, забрать ее. Ведь дети должны быть вместе с мамой и папой. Она не ждала ответа. Только верила. Отчаянно, безоговорочно и безгранично, как умеют только дети. Бог слышит искренность ее в каждом звуке. Небеса отвечают взаимностью.

Верила, что однажды поднимется по сияющей звездной дорожке высоко-высоко. Так высоко, что будет кружиться голова. Она не испугается, не отступит и не оглянется. По острым холодным осколкам воспоминаний она доберется до волшебной двери. Двери сверкающей, переливающейся всеми цветами радуги, трепещущей, словно крыло огромной стрекозы. Ее встретит Ангел с добрыми глазами и негромко предложит войти. Да. Она доберется туда. Она уже слышит шорох крыльев Ангела. Мама и папа, наверное, уже заждались ее.

7.

– Отец, я так люблю тебя. С тобой я не боюсь ничего. Ты любишь меня. Ты. Любишь. Меня. Папа...

«Но подступили дни перемен:

Хитрый охотник взял его в плен.

И в зоопарке пасмурным днём

Стал он обычным серым слоном...»

Из-за крыш медленно поднималось светило... Дворник заворочался и заскрипел пружинами. Небо неуклонно светлело. Девочка устало опустилась на подушку, прикрыла глаза. Вот-вот начнется новый день, с обычными хлопотами по дому, она сможет найти в нем что-то светлое, и ночью ей будет, чем поделиться с Ангелом. Незаметно она уснула.

Грохот в дворничкой вырвал её из сладкого забытья, – дворник наступил на бутылку и, проехав на ней полметра, плашмя опрокинулся на пол. Он сильно разбил голову об угол стола. Вера вскочила. Заморгала спросонок. Она не понимала, что случилось. Осколки стекла на полу. Дворник скулил, стоя на четвереньках, голова в крови. Девочка приняла его за огромного пса. Дворник утробно зарычал и попытался встать, неудержался, снова упал. Теперь он лежал, ничком, не двигаясь. Лужа крови медленно растекалась по полу. Вера окаменела от страха. Слезы выступили на глазах. Отче наш. Она вскочила, взяла с подоконника бинт, – живущий на небесах... – подвинулась к нему вплотную, подняла своими маленькими ручками его косматую голову, и принялась бинтовать, напевая свою колыбельную...

«Зря унываешь, нету беды.
Я-то ведь знаю – розовый ты.
Может, случайно где-то во сне
Ты прислонился к серой стене.
Добрый мой слоник, ты извини,
В жизни бывают серые дни.
Скоро подарит солнце рассвет,
Выкрасит кожу в розовый цвет!»

8.

– Привет, Вера.

– Здравствуй...

– Я принёс тебе куклу...

Ангел сидел на подоконнике, и болтал ногой.

– А... а, ты кто? Ангел??

– Ангел, ты же звала меня?

– Ну... наверное...

– Вот я и пришёл. Меня зовут Ройх, и я пришел за тобой.

– Я ждала... Долго. И я боялась, что ты никогда не придешь. Как ты нашел меня?

– Ты верила. Твоя вера, вела меня, как огонек маяка, приводит корабли в гавань.

Вера гладила и крепко прижимала куклу. Сердце ее наполнилось радостью, на губах расцвела улыбка. Все, о чем она мечтала, тихой поступью пришло в её жизнь.

Человек с перебинтованной головой, очень похожий сейчас на Шарикова после операции, смотрел на чудо посередине своей маленькой затхлой комнатенки. Сверкающая полусфера переливалась всеми цветами радуги, и похожа была на большое крыло стрекозы. С каждой секундой её мерцание становилось все меньше, границы этого портала становились все менее отчетливые. Он видел, как минуту назад его дочь шагнула в вечность. Она прижимала к груди куклу одной рукой, другой держала за руку Ангела.

В соавторстве с С. Хурсан.

Звук умозрения

«...и спросили его: что же? Ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет» (Ин.1:21)

Его звали Ванька, Ванька Казанец. Никто не знал, почему Казанец, впрочем, никто и не знал, откуда он пришёл, и какого роду-племени. Просто однажды появился в деревне Разгуляй эдакий хлопец, который по виду был вечно пьяный. Но не из тех, что буйные, по вечерам дебоши в хате устраивали, да по деревне искали, где повеселее, хоть на притолоке усесть, да только не домой. А такой, – тихий, доброход, с дебелеватой улыбкой, да большим сердцем. Таких называли одним словом, только смысл вкладывали разный... Ванька был парень здоровый, мог запросто оглоблю рукой переломить, да подковы на спор гнуть, Митрофан-то, кузнец наш, давно его приваживал к ремеслу, а тот ему свою отповедь, мол, некогда. Чем так занят был – никто и не знает, да вот только работать Казанец не хотел никак. Все ходил по деревне да медяки сшибал.

Люди в деревне были добрые, и кормили, и жалели, и милостыню давали, – убогих то всю жизнь так. Но некоторые ругались на него, да никогда монеткой не баловали, все отправляли на работу, здоровый детина, говорят, иди и зарабатывай! А он все одно, дней через несколько, как ни в чем не бывало, у крыльца высматривает, да медяк просит.

Частенько его в церкви местной видели. Как перезвон, так он тут, улыбается, глазищи да на колокольню таращит. По несколько раз на дню захаживал, бывало, все ходит, на иконы смотрит, да молится на своём. Батюшка наш все пытался его пристроить куда, а бестолку. Договорился в уезде, бумагу ему справили, вроде как документ. А он ее на самокрутки. Не признавал Казанец никого, не власти, не государственности никакой. Сам себе, да по себе.

Глянулся Казанец девушке одной, Настасье. Вроде не было никакой причины на то, да взаимной симпатии, только потеряла девка покой и сон, все ходила к нему, кормила да убиралась. Дом-то большой и запустелый совсем, на самом отшибе занял. Он без женской руки как Ванька был, такой же одинокий и заросший. Смотрел большими глазами на мир этот. Настасья Мерзлая, так ее зовут, облагородила его дом, уютным сделала. Ведь поначалу она ему предложила у себя поселиться, она же одинокая, – а он отказом ей. Она-то потом, как все произошло, батюшке исповедалась, рассказала все как есть, о чувствах своих. Злилась, говорит, и словам своим необдуманым, и отказу Иванову. Чисто буря внутри разыгралась. Все ревела и печалилась, только смурь эту не прогнать никак. Молилась, как умела, и вроде легчало. Стала ходить к нему, одёжу подновить, или еще чем помочь.

Много лет прошло, с той поры, как Ванька забрёл в Разгуляй, и как то зимой занемог совсем. Хворь какая-то поселилась в нем. Настасья Мерзлая заметила, что нету его давно, да и заглянула в дом, где не топлено. А он там совсем слабый. Говорит, позови мне Митрофана да батюшку нашего, дело есть важное. Ну те пришли скоро, а Казанец как в бреду словно, все про какой-то колокол им твердит. В общем поняли, что хотел. А хотел он колокол отлить, какой свет ещё не видывал.

– Дык, колокол! Там же меди-то нужно не счесть!

– Ну там есть... в подполе-то, глянь Митрофан, авось хватит...

Ну, в общем, оказалось, что меди у дурака нашего, как махорки в хороший год. Окрыли подпол, и аж присели все, кто в хате был, полна закрома выблёскивают!

Понятно стало, что в мешках носил пришлый по первости. Каждый день почти видели его с мешком на плече. Это он, как обжился в доме, стал туда в подпол добро свое стаскивать. Это ж сколь мешок один весит? А он их перетаскал... Да уж, силищи то в нем было.

Оказалось, что и технологией Ванька Казанец наш владеет. Стал учить, Митроху нашего, кампанологии. Да вот беда, – сил все меньше у него. Жаба в груди сосала жизнь из Ваньки уж не первый день. Несколько дней возили телегами медяки Ванькины. Да несколько дней взвешивали. Выходило, что колокол-то будет царский, пудов на семьсот тулово, да язык на двух телегах едва-едва.

Решили пристань для него делать прямо на месте, чтобы не везти никуда. Соорудили плавильню, все по чертежу да вычислениям правильным. Начались работы. Много людей откликнулось в помощь, многим по сердцу пришлась затея. Да ещё слух пошёл, что колокол этот будет своим звуком от любой хвори исцелять. Казанец всю свою жизнь ходил по деревням да медяки просил, несколько лет в одной, да выгнали, несколько лет в другой – да все тоже. Так и дошёл до Разгуляя нашего. Почитай тридцать лет собирал без малого, и ни одной монетки не истратил. А ведь каждый медяк – он от чистого сердца был даден, это люди давали не от избытка своего, а из жалости и сострадания. А оно ведь большую силу имеет, доброта да сострадание, отзвуки абсолютной любви божьей.

Помер Казанец на излете сорокового дня, когда плавильню переделывали в пристань, да под вечер стали тянуть через блоки в подверх. Коней собрали со всех близлежащих деревень, да тащили всем народом. Закат ещё, помню, такой был красный, когда язык цепляли. Никто и не заметил, что Казанца-то нет. Мёрзлая потом сказала, что умер Иван. Она одна его Иваном и называла. Любила, поговаривали...

А колокол-то знатный вышел. Первый раз, когда Митрофан язык раскачал, – звук полетел за пределы наших деревень. Ждали, когда успокоится, чтобы снова ударить, так два дня и прошло, все гудел. Звук такой глубокий-глубокий. Стоял Митрофан, прям под самим колоколом. Так люди потом замечать стали, что у него волосы – как смоль сделались, ни одного седого, как молодой! И потом приходили, кто верил и кто не верил, кто давал монетки, и кто не давал, всякий исцеление получал. Висит и по сию пору этот Иван-колокол, на самом красивом месте в Разгуляе, и паломники со всего миру, кто прознал – тянутся к нему, посмотреть на это чудо. Величавый такой, с надписью на пояске «Aegros vocant, vivere cantare».

3 сентября 2018

Малюха

Очередной миг смены реальностей. Каждый раз я выныриваю с надеждой, что в этот раз будет проще. Последний мой мальчик Венька – авеша, обладающий удивительным даром. Сколько мы с ним прошли вместе, но там я был просто Хранителем, а тут совсем другое. Каждый раз сердце обливается кровью.

– Мам мам... мам, мам?

Это будет единственное воспоминание Малюхи, связанное с детством. Образ матери останется в его памяти размытым силуэтом на старом диване.

– Мам? Ну мам...

Он толкал её, теребил рукав халата, ожидая ответа. Малюха – тогда он был еще Игорем – хотел есть. Он бежал босыми ногами по старому паркету на выдавшую виды кухню, где свалены в раковину в одну кучу грязные тарелки и пахло затхлостью, и открывал старый пожелтевший холодильник. Смотрел с минуту в его пустующее нутро, трогал пальчиком кнопочку, которую выключал концевик и бежал обратно к дивану...

Малюха пытался до неё докричаться. Три дня... уже чертовых три дня мальчишка тщетно пытался её разбудить, не в силах осознать значение утраты. Он достал из шкафа все постельные принадлежности, укрыл её холодное тело. Вытирая слезы и глуша в себе рыдания, он пытался хоть как-то сократить время, но оно было неумолимо. Малюха уже не смотрел на неё. Он сидел. Просто сидел и раскачивался из стороны в сторону. Иногда толкал затвердевшее тело, не в силах смотреть на того, кто был самым дорогим на всей планете. Он понял, что это не игра.

– Мам? Мам... маам, мама? Маам... мам, – звал он тоненьким, срывающимся на всхлипы голоском.

За окном, одиноко выглядывающем на Камергерский переулок, усевшись на протянутой к окну ветке прокричала ворона, и Малюха, выпроставшись из-под одеяла, побежал смотреть на унылый пейзаж за окном. Обычная, ничем не выдающаяся для него, в силу, наверное, возраста, осень выдавливала на окно редкие капли едва зарождающегося дождя. Ворона с любопытством смотрела на Малюху с разных сторон, меняя ракурс так, словно хотела увидеть новую картинку, на которой вдруг протянутая рука из форточки швырнет в неё каким-нибудь кормом.

Земные не могут вмешиваться в сценарий жизни людей прямо. Мы лишь имеем косвенное влияние на определенных людей, пересекая вектор возможностей. Мы создаём ситуацию, но определяющим моментом становится выбор человека. Сейчас нужно было чьё-то вмешательство, чтобы спасти пацана.

Малюху приютил старый домушник, у которого был минимум зубов и неплохая школа преступлений. В тот день Гамлет отрабатывал квартиру в пустующем большом доме. И если бы не случайность, то замерзающего и обессиленного от голода паренька нашли бы не скоро.

Старый квартирный вор почуял трупный запах, и пошел на него как утка на манок. В то голодное время вор знал наверняка – где есть падаль, там можно пожить. Спускаясь с большим тюком по железным перекрытиям со второго этажа, он увидел свернувшегося в калачик паренька, который лежал в ногах у своей умершей матери. Гамлет натянул водолазку на нос,

и надавил плечом на фрамугу. Он сгрёб паренька, талоны на хлеб, икону, и устремился на воздух с тюком на одном, и парнишкой на другом плече. В воровском мире Гамлета знали, боялись и уважали.

Так Малюха приобрел новую семью, и впоследствии овладел новым ремеслом. Тогда же он впервые начал рисовать.

Как я не пытался ему помочь, но озлобленность паренька на весь мир толкала его на преступления. Порой люди не хотят, чтобы им помогали. Позже он овладел еще одним ремеслом – Малюха стал отличным карманником. Работая остро заточенной монеткой, он умудрялся срывать кошельки вместе с подкладом. И люди не сразу замечали пустоту своих карманов.

– Дядь Гамлет, а почему ты тогда меня спас?

– Закон моего племени – забота о ближнем, – проговорил старый вор прищурившись, — но не верь никому и не бойся никого.

Гамлет научил парня многим вещам, без которых невозможно было выжить в этом мире. Паренёк ему понравился, пробудив в чёрством уголовнике отцовские чувства. И он смог заметить Малюхе семью на какое-то время. Но свою роль в судьбе парня он уже отыграл.

– Слышь Малой, подь сюды.

Гамлет нарисовал какую-то схему на обрывке старой газеты.

– Вот, дуй на мануфактуру, мне туда лукаться без мазы, найдешь Томку – учетчицу, отдашь ей это, заберёшь сверток. Всё понятно?

Малюха кивнул и вышел из дома. Больше ему сюда не дороги не было. Через двадцать минут старого Гамлета застрелили при задержании.

Даже Валериан Герц, руководитель конструкторского бюро, профессор и уважаемый человек, с кем свела Малюху судьба благодаря моим многоходовым комбинациям, – не смог его удержать. Я так долго готовил ему дом и эту встречу. Но всё пошло прахом, как, впрочем, и следовало ожидать. Малюха просто сбежал – он вернулся на улицу, прихватив дорогие побрякушки профессора.

Чтобы я не предпринимал, он старательно уворачивался, всякий раз совершенствуя своё мастерство в криминальном мире.

«Почему другим достаются счастливые семьи, или они занимают важное место в каком-то проекте нашего Творца, а иные обречены любить, переживая чужую боль, словно это может облегчить страдания человека».

– Малюха! Атаc! – в сумерках мелькали какие-то тени, звуки шагов эхом отскакивали от длинных невысоких стен складских помещений. Малюха прижался к кирпичному уступку, стараясь слиться с ним, тяжелое дыхание постепенно выровнялось. Из темноты вышла к нему кошка, теранулась об ногу. Малюха поднял уголь и нарисовал на стене силуэт черной кошки.

– Стой, сука! Стой, говорю! – чьи-то руки скользнули по рваной телогрейке, Малюха выхватил заточку и наотмашь полоснул догоняющего.

– Уголовный розыск!!! – два выстрела порвали ночную тишину, – стоять, я сказал!

Той ночью Малюха заточкой выбил оперу глаз, и менты объявили войну уличной шпане. Их вылавливали в притонах, подворотнях, постоянные облавы привозили беспризорников в детские дома и социально трудовые отряды.

Когда Малюху отправили в ДДТ, я немного выдохнул. Вроде все встало на новые рельсы, и я всерьёз начал ожидать очередного мига смены реальностей. Но нет.

Шли годы. Я понял, что застрял в этой реальности, и Малюха был инициатором этого сбоя. Из касты карманников он ушел быстро и элегантно. У него были золотые руки, и он стал отличным художником. Парень рисовал деньги. Он мог с легкостью подделать любую купюру. Таких мастеров на всю Москву было два человека. Он, и его учитель, интеллигентный одесский вор Флёр. И Малюха придумал красивую авантюру, – «Шман Д» Флёр», увековечив в знак благодарности имя своего напарника.

Малюха брал не сильно старые купюры, достоинством от рубля к четвертаку – по два одинаковых образца от каждой. Два червонца стачивал особым образом в половину, а потом склеивал между собой так, чтобы на одной купюре с двух сторон были разные серийные номера. Так же и с остальными деньгами. Смысл заключался в том, что лоха втягивали сыграть на деньги. Ему показывали купюру и предлагали выбрать цифры – либо середина, либо две первые – две последние. Когда богатый делец клевал на приманку, разводящий показывал «лист» и зажимал его в руке зная, какая сторона с нужной суммой цифр лежит в ладони.

«Шман» стала очень популярна на улицах и кабаках Москвы того времени. Это считалось престижным и модным занятием. Скользящая тропинка никак не хотела отпускать Малюху. Я любил его всё больше, а Небеса смеялись надо мной всё громче. Когда авантюра раскрылась, Малюху решили убрать. Слишком серьезного человека он развёл на крупную сумму, прежде чем раскрылся секрет его удачи. Я смог уберечь его от гибели, но Малюха оказался без двух пальцев в тюрьме. Судья вынес ему обвинительный приговор и первым же этапом наш герой поехал на «Краслаг».

– Зона-зона! Привет от Малюхи! – звонко крикнул он, вывалившись из автозака на горячий бетон.

Его весело пинали тяжелыми ботинками «принимающие» стороны офицеров вместе с одетыми во все черное «активистами» с красными повязками. Наскоро его закрыли в «трюм», чтобы уберечь размеренный уклад жизни зоны от смуты и неповиновения, которое как зараза распространялась в этих местах. Через полгода зэка обычно выводят в отряд – для адаптации и социализации. Но зона чутко реагировала на таких вот «бродяг», стараясь упаковать их обратно до конца срока.

Малюха не стал ждать подлянок, он «закрылся» обратно в трюм сам. Во время визита Хозяина с большими чинами на очередную проверку, на общем построении высокие гости в абсолютной тишине услышали чечётку. Зеки стали оборачиваться на звук, кто-то уже ржал не сдерживаясь, а Малюха вышел из строя и выкидывая коленца двигался навстречу процессии.

– Это кто? И что? – спросил Шая посмотрев на улыбающегося Малюху, – и начальник ИУ побелел.

Шаю боялись все офицеры всех мастей, и во всех зонах. Он мог запросто тяжелой рукой колотнуть любого офицера прилюдно. А кулак у начальника лагерей был тяжёл. Авторитет его перед эсками провоцировать было нельзя. Это табу. Ломали Малюху после этого долго, и зона, к тому времени уже ставшая вполнину «красной», поднялась на бунт. Малюху экстренно этапировали с целью «потерять» где-нибудь по дороге. Я снова уберег его от смерти. Чудом в этот раз. Вот уж, действительно – много ли у твоего Ангела седых волос?

Я искал ответ. Пробовал разные способы, но все мои усилия были напрасны. Земные Хранители не могут влиять на решение человека, мы можем лишь корректировать незначительные изменения его пути, например, поставив на его тропе нужного человека, или создав вокруг определённую ситуацию. Я обращался к Отцу с вопросами и однажды получил ответ.

«Никакая сила на земле – ни высота, ни глубина, ни время – ничто не сможет изменить человека, кроме любви Отчей. Все просто».

И Малюха встретил свою любовь поздней осенью.

Ветер срывал пожухлые листья и яростно швырял в лицо запоздалому путнику. Тусклый фонарь жалобно скрипел, рассыпая осколки света по выщербленной грязной дороге. Парень кутался в шарф, тонкое пальто не защищало от промозглого ветра. Он не помнил, как оказался в этом районе города. Просто шел. Шел наперекор, как и всю сознательную жизнь, сжав зубы и кулаки.

Он передвигал ноги, не разбирая дороги, плеская грязью на полы хлипкого пальто. Приоткрытая дверь привлекла его внимание. Он вошел без размышлений и страха. Укрыться от дождя и ветра – на ночь, на час, на мгновение перевести дух – это все чего он хотел. Храм в это время был пуст. Малюха прислонился к стене. Прикрыл глаза. Парень вдруг почувствовал что-то необъяснимое, словно Некто прикоснулся к его сердцу, обняв по-отечески, заставив пережить давно утраченное чувство отцовской любви и заботы.

Старый священник вышел из ризницы. Окинул нежданного посетителя взглядом и скрылся. Старик вернулся через минуту, в одной руке ломоть хлеба, в другой – чашка с дымящимся чаем.

– Возьми, вот, – протянул Малюхе.

– Я не побираться пришел, – напрягся тот, – я тебе не пес.

– Отогрейся, – негромко сказал священник. – Вижу не просто тебе сейчас. Посиди, поешь. Все равны перед Отцом и здесь его дом, а значит и твой.

Малюха открыл рот возразить, лицо его искривилось.

– Уйдешь, как захочешь, – проронил священник уходя.

Но Малюха остался. Он провел в храме ночь. И следующий день. Старик не спрашивал ни о чем, парень сам рассказал все священнику и впервые не видел в глазах ни презрения, ни осуждения, ни страха. Спустя неделю Малюха рисовал. Вдохновенно, как в детстве. Теперь он рисовал картины Евангелия на стенах старого храма. Его творения дышали светом и любовью. Люди приходили в храм и глаза их наполнялись слезами, а сердце теплом.

Я нёс ему новые кисти и вдруг почувствовал. Это тот самый миг смены реальностей. Сейчас я увижу его в последний раз... Черт, аж слёзы наворачиваются, привык я к нему. Самый, самый любимый мой сын из всех, мне будет его не хватать.

– Малюх, подь сюды... на вот, это тебе краски, и кисти, импортные, такие как ты хотел. Помощь и ред. С. Хурсан.

«49»

«Разбуди в 4:20»

Монитор мерцал бледным светом в тёмной комнате. Тишину тревожили лишь кулеры, остужающие материнку. Иван встал, пошёл на кухню, сделал себе крепкий кофе, достал телефон и посмотрел на время, 3:44... В голове проползла ленивая мысль, о вреде крепкого кофе, сам себе сказал, зачем пить крепкий? Если все равно не уснуть. Сам себе ответил – ты и не собирался спать!

Побрел в комнату, все ещё держа в другой руке телефон, уже несколько часов он пытался написать последнюю смс Светке, но так и не мог ничего придумать подходящего. Но написать надо было, он любил её, эту глупую и взбалмошную девчонку. Поэтому не хотел уходить, вот так, не обмолвившись. Они несколько дней уже не разговаривали после ссоры, и, по всей видимости, завтра она будет себя чувствовать виноватой, а этого не хотелось.

Ваня подошёл к компьютеру, вывел его из ступора, глянул почту, зашёл в контакт, шелкнул страницу своей группы, в которой уже почти полгода играл в страшную игру, и дошёл до последнего, пятидесятого уровня. Словно почувствовав, всплыла надпись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.